

Вячеслав ПОЛЯКОВ

Станица

Банальное понятие «Станица» по В.И. Далю, Брокгаузу и Эфрону и Википедии.

Станица или юрт – казачье военное поселение, сельский населенный пункт или всякая казачья община, ровно посланная куда-либо казачье партия (отряд).

Смею отметить, что все эти поверхностные определения лишь издали приближаются к истине. Не совсем, а точнее, совсем не населенный пункт или отряд зовутся у казаков «станницею».

Скорее станица – рыцарский, виртуальный «лыцарский» орден, способный выставить вооруженный отряж (взвод, сотню, эскадрон, полк или несколько полков, а то и две развернутые дивизии – и такое бывало). Главный ресурс станицы – количество клинков в строю. «Была бы воля – все остальное прибудет», – один из казачьих девизов на клинках или «Ищи землю!» – в отличие от «Ищи мясо» на ложках крестьян.

Юрт – объем ресурсов (земли, воды, минералов, лесов и прочего). Главный ресурс – производительные силы, не только казаки, но и все, проживающие в юрте. Наделение юртом станицы от войска зависит не только от количества клинков, а прежде всего, от совокупной стоимости валового продукта, произведенного в юрте. Войско регулирует, уравнивает доход на одного казака во всех юртах. К примеру, одна станица на годовом смотре «покровском», осенью, выставила 1500 конных и справных (экипированных) казаков, готовых к первой очереди – срочной службе, другая – 750. Соответственно, у первой в этот год юрт по совокупному продукту будет нарезан в два раза больше, чем у второй. На следующий год первая сократилась до 1000, а вторая возросла до 1000 же. Соответственно, у первой юрты – сокращается, у второй – увеличивается (они уравниваются в объемах).

Экономика – не главное, она вторична по отношению к культуре, духовности станичного общества. «Казак» – синоним «станич-

ник», без станицы не существует казака, а станицы без войска. Самого по себе казака не существовало и не существует. Казак – член станичного общества, никак по-другому не бывает. Обращение «честная станица» – не красное словцо: в нем глубокий смысл соблюдения казачьего «обыка» (обычного права, обычаев и традиций), который выше Закона. Высокая мораль и нравственность всего станичного общества определяет признание ее войском и государством «честной», а не воровской станицей. Наличие в станичном обществе высокой морали, образованности, духовности дает ей право называться «честной». Духовность определялась не только наличием церквей, соборов, часовен и капличек, а воцерковленностью всей станицы, ее сплоченностью, прежде всего – духовной.

Автор начинает писать цикл «Станица» в надежде дать возможность читателям разобраться в казачьем понимании этого феномена, описать в лицах удивительное явление «станица» в разных ипостасях: социальной, правовой, экономической. Духовной, культурной, военной, исторической и других.

Семейная тайна

«Говорить от семейной тайне Поляковых нельзя ни при каких обстоятельствах», – учила родная бабушка Матрена Степановна, урожденная Горохова, по матери Ландырева, казачка станицы Елизаветинской, старшая невестка (жена старшего сына Григория) Кирилла Ивановича Полякова, последнего лейб- и камер-казака вдовствующей Императрицы Марии Федоровны II.

С раннего детства в семье нашептывалась одна из тайн родного дедушки. Его звали не Георгий, а Григорий «по-настоящему», Кириллович. Ему специально сменили имя в 1919 году, чтобы скрыться от большевиков, о чем каждый раз говорилось на его могилке уже не существующего кладбища в городе Ростове-на-Дону. Надпись на кресте была правильная:

«Поляков Григорий Кириллович», а кладбище находилось недалеко от дома, где жила бабушка Миля — так ее называли. Она имела восемь детей: трех сыновей и пять дочерей — и многочисленных внуков. Был еще девятый ребенок, Кирилл, названный в честь деда. Но он умер от столбняка в восемь лет. Старший в семье сын Анатолий — мой папа.

В центре г. Ростова находился большой — двадцать восемь соток — участок земли с дореволюционной водокачкой, садом, виноградником и местом детских игр — бугром-валом — и остатками дома, двести семьдесят квадратных метров по фундаменту первого этажа: дом разобрали на баррикады как недострой в годы Великой Отечественной войны. Папа многократно повторял, что все это было бы цело, если бы жив был отец. Григорий Кириллович строил этот дом перед самой войной: на первом этаже — тринадцать комнат, где у него предполагалась отдельная спальня и личный кабинет-библиотека, по отдельной комнате планировалось для каждого из детей.

Откуда такая роскошь при всеобщей вопиющей, показной нищете? Я никак понять не мог. Все говорили о какой-то загадочной, никогда не виданной мною бабушке с красивым именем Стефанида Андроновна... Мой папа Анатолий Григорьевич — старший ее внук, очень хорошо ее помнил. Он родился 2-го мая тысяча девятьсот двадцать пятого года. Ему было шестнадцать лет, когда «при непонятных обстоятельствах» погиб его отец Григорий Кириллович. Свою бабушку Стешу папа видел только при жизни своего отца.

Все боялись нечаянно выдать друг друга. Мой дедушка по матери, Павел, дружил с дедушкой Григорием, они частично открылись друг другу: например, было известно, мой дедушка Иванов Павел Иванович, по матери Волошинов, служил казначеем в армии Антона Ивановича Деникина.

Старший внук двух родов и, естественно, любимчик, я был посвящен в некоторые тонкости истории обеих семей. С раннего детства родители часто отправляли меня погостить к бабушкам и дедушке по очереди. Когда я учился на первом курсе Ростовского художественного училища им. М.Б. Грекова, пришла очередь пожить у бабушки Мили. Все дети ее

давно выпорхнули из родительского гнезда, она жила одна, с жиличкой, ее часто навещали дети и многочисленные внуки. Мне исполнилось двадцать лет, а был уже вполне взрослым, отлично учился и вполне хорошо соображал. Параллельно с художественным училищем я занимался в Школе инструкторов горного туризма и альпинизма при Региональном Совете по спорту, несколько месяцев в году проводил в горах Кавказа.

Бабушка Миля была очень набожная, глубоко верующая, каждый день посещала раннюю обедню в Соборе. Когда еще работала — ночным дежурным в трамвайном парке — каждый день после смены утром молилась в храме, после чего шла на центральный рынок за продуктами, но перед тем, как возвратиться домой, обязательно заходила на могилку к мужу, Григорию Кирилловичу — пока существовало кладбище в пяти минутах ходьбы от дома по пути с трамвайной остановки... Тихо молилась там, всплакивала, прибиралась — и шла к детям и внукам... Целый год мы прожили вдвоем. Вечером, после молитвы, бабуля рассказывала мне совершенно невероятные истории — порой мне казалось. Что от старости она уже немножко «заезжает». Она говорила о муже Григории и свекре Кирилле Ивановиче, часто называя их святыми. Григорий, спасая семью, как верующий старообрядец, не пошел на самоубийство, а упросил соседа и друга, тоже «из бывших», убить его как бы на почве ревности. Так он отвел угрозу ареста от жены и предотвратил помещение детей в детский дом, когда понял, что Органы начали его разыскивать и арест неминуем. Его убийцу осудили на полтора года за преступление в состоянии аффекта, но сидел он меньше года. Мой папа хотел жениться на его дочери — в благодарность за избавление от мук родителя и всей семьи, но выполнил завещание своего отца и женился на дочери его друга Павла, моей маме Евгении Павловне из рода Волошиновых.

Все, что бабушка поведала мне втайне от всех, «чтоб у них крышу не снесло», она строго наказывала никогда никому и ни при каких обстоятельствах не передавать, кроме моих собственных будущих взрослых детей и внуков. Речь шла о Царе, Царицах, Великих

Князьях и Цесаревнах, жизни мужа в царских дворцах. О том что дедушка – один из первых русских летчиков-инструкторов. О дружбе его с Цесаревичем Алексеем, о Великом Князе Александре Михайловиче (Сандро), влетной школе которого дедушка летал с шестнадцати лет. О том, как у него в двадцать втором году в биплане кончилось горючее и он спланировал в станицу Елизаветинскую, где они и познакомились. В то время бабушка была круглой сиротой и жила со своими братьями, неся обязанности хозяйки дома – все было на ней... Рассказы о Царях, Дворцах, Великих Княжнах и Князьях мне были совершенно непонятны, но она пересказывала слова мужа в таких подробностях, что дух захватывало и было трудно поверить. Она говорила. Что ее свекровь Стефанида Андроновна была кумою Императрицы Марии Федоровны, и государыня дарила семье много подарков, в том числе и яйца Фаберже. Кирилл Иванович лично вывез сокровищницу казначейства Дома Романовых. Дедушка Григорий часто играл на прогулках с Царем. Великими Кеяжнами и Цесаревичем, старше которого был на шесть с половиной лет, приглядывал, чтобы тот, увлекшись игрой, не упал, не ушибся, будучи очень подвижным мальчиком. Алексей, с позволения своего отца приглашал своего друга Григория на индивидуальные уроки, которые ему давали лучшие учителя того времени, профессора. Рассказывала бабушка Миля и многое другое, что не укладывалось у меня в голове.

Папа тоже говорил совершенно загадочно и непонятно о том, как всю семью перед войной хотели – а кто, неясно – вывезти за границу. Дедушка не верил в возможность такой операции. Он боялся, хотя документы на выезд были готовы и предъявлены ему неизвестным из эмиграции: стоило только объявиться с такими документами – и однозначно настал бы конец всем Поляковым.

Прадедушка Кирилл Иванович родился 10 марта 1879 года в станице Милютинской, названной так в честь выдающегося государственного и военного деятеля ученого, генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина 17 марта 1876 года. Отец Кирилла Ивановича был основателем хутора Полякова станицы Милютинской. От хуто-

ра сегодня остался лишь погост. В 1917 году проживало в нем более 700 жителей. Женился прадед в 18 лет на дочери казака станицы Милютинской Февралева, Степаниде Дроновой. Были они староверы. У них родилось четверо сыновей: мой дед Григорий (30.01.1898), Трофим, Иван и Михаил, и три дочери: Варвара, Елена, Анфиса и Ираида.

Прадед вступил на службу казаком 1 января 1898 года. В кавалерию брали казаков не более 75 килограммов весом. Кто был выше и тяжелее в 21 год – определяли в артиллерию, и 24 сентября 1890 года Кирилл был зачислен в Донскую артиллерию, а 25 сентября 1902 года командирован в Лейб-гвардии 6-ю Казачью батарею и 2-го октября внесен в ее списки. Комендирован в учебную команду Гвардейской Конно-артиллерийской бригады бомбардиром 24 декабря 1903 года. 21 марта 1904 года возвратился, по окончании курса учебной команды, в Лейб-гвардейскую 6-ю батарею бомбардиром-наводчиком. 30 июня 1904 года по собственному рапорту командирован в 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион на все время военных действий. Прибыл в дивизион 5 июля. 30 сентября 1904 года перешел границу Российской Империи у станции Маньчжурия» Восточно-Китайской железной дороги. С 8 ноября 1904 года – младший урядник. Старший урядник – с 9 мая 1905 года. Награжден знаком отличия Военного ордена Святого Георгия 4-й степени за № 200341 за отличие в бою японцами 12 января 1905 года при деревне Сандепу. Командуя казаками-артиллеристами в рукопашном бою, отразил три атаки трех японских пехотных батальонов. 21 января 1906 года награжден светло-бронзовой медалью в память войны с Японией 1904-1905 гг.

24 марта 1906 года по окончании войны с Японией вступил в пределы Российской Империи. Откомандирован в свою часть 12 апреля 1906 года, 17 апреля возвратился в свою 6-ю Лейб-гвардии Донскую Казачью Его Величества батарею.

1 августа 1906 года награжден 3-м призом – серебряными часами за состязательную скачку в Высочайшем Государя Императора присутствии. 16 сентября 1906 года отпущен на льготу. 24 сентября 1906 года прибыл на

Дон и зачислен в запасную Донскую батарею. 9 июня 1907 года Высочайше пожалован знаком отличия Военного ордена Святого Георгия 3-й степени за № 7449 за мужество и храбрость, показанные в разновременных боях с японцами. 5 апреля 1908 года зачислен на 1-й год сверхсрочной службы и награжден узким серебряным шевроном. С 12 апреля 1908 года – Вахмистр 6-1 Лейб-гвардии Донской Казачьей Его Величества батареи. 9 июля 1908 года за состязательную стрельбу из револьверов награжден призом – серебряными часами. 5 апреля 1909 года остался на 2-й год сверхсрочной службы. 5 апреля 1909 года остался на 3-й год сверхсрочной службы и награжден широким серебряным шевроном 10 апреля 1910 года.

С 22 декабря 1910 года – Подхорунжий Лейб-гвардии 6-1 Его Величества Донской батареи. 5 апреля остался на 4-й год сверхсрочной службы и награжден узким золотым шевроном 5 апреля 1912 года.

26 августа 1912 года пожалован в память столетия Отечественной войны 1812 года светло-бронзовой медалью для ношения на груди на Владимирской ленте. 18 ноября 1912 года Всемилостивейше серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте за 3-летнюю сверхсрочную службу. 25 декабря 1912 года Высочайше награжден серебряными часам с золотым Государственным гербом на верхней крышке.

14 февраля 1913 года исключен из списков Лейб-гвардии 6-й Его Величества Донской батареи и Высочайше определен камер-казаком Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. 21 февраля Всемилостивейше пожалован Высочайше утвержденной в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовой медалью для ношения на груди. 18 ноября 1915 года Высочайше разрешено принять и носить Великобританскую серебряную медаль.

Автор статьи приводит лишь краткий послужной список прадеда до начала великой смуты.

С февраля 1913 года вся большая семья Поляковых переезжает со служебной квартиры на Литейном проспекте в квартиру в Императорском Аничковом Дворце. Там рождаются

младшие братья дедушки Иван и Михаил.

Со слов бабушки Мили, Государь через два месяца после начала службы камер-казаком подарил Кириллу Ивановичу именной позолочены «кольт», предварительно спросил его: «Как дается кудиновская наука?». С Андреем Алексеевичем Кудиновым – камер-казаком трех Российских Императоров – прадед прослужил полтора года.

Еще бабуля не раз повторяла, что предстроем претендентов в камер-казаки, подойдя к Кириллу Ивановичу. Государь произнес: «Кириллушка, выйди из строя, я о тебе уже два года Бога молю». За два месяца до этого события командир по 6-й Лейб-гвардии батареи велел написать рапорт на Высочайшее Имя.

В конце марта 1916 года Кирилл Иванович получил лично от Императора особое поручение вывести и спрятать сокровищницу Двора. Дорожные кожаные сундуки Николай II подготовил лично. Что в них было, прадед не знал. Все было опечатано и спрятано в запаянных цинковых футлярах. Со слов бабушки, втайне ото всех прадед спрятал сокровищницу у староверов. Кто были те староверы, для всех по сей день загадка. В февраля 1919 года Кирилл Иванович приезжал из Крыма в Петроград инкогнито, а по возвращении зарыл сокровища ночью на пляже в гальку. Потом они оказались в Англии у родной сестры мари Федоровны – вдовствующей королевы Великобритании. В бриллиантовой диадеме (короне) Марии Федоровны блистала принцесса Диана. В некоторых оцинкованных цистах находились также секретные документы Дома Романовых.

В апреле 1916 года Мария Федоровна приехала из Петербурга в Киев ближе к Ставке. Государь и Наследник были на фронте, Великие Княжны Ольга и Ксения – в Киеве. Прадед прибыл с Марией Федоровной, которая в Петроград больше никогда не вернулась. Там их и застали события марта 1917 года. Началось крушение Российской Империи.

Как и Государя, Марию Федоровну предали все – даже самые родные и близкие, остались только, по ее словам: «Самые преданные и лучшие – мой Кириллушка и мой Ящичек. Ангелы-Хранители». Как преданные и верные слуги Государя взойшли с ним в ночь на 17

июля 1918 года на Голгофу, так и Кирилл Иванович Поляков и Тимофей Ксенофонович Ящик остались верны долгу и присяге до 13 октября 1928 года. Только смерть Матушки-Императрицы освободила их от не прерывавшейся ни на секунду Государевой Службы.

Я впервые нарушил бабушкин завет — клятвенное обещание — в сорок лет, в далеком девяносто первом: открылся о Кирилле Ивановиче на исповеди Владыке Иоанну (Снычеву). Получил от него ответ: «Не время, чадо» — и много раз убеждался в правоте пастырского слова.

Я поведал семейную тайну трем достойнейшим казакам. Первому — Савченко Георгию Яковлевичу, по матери Бочаевскому, доктору медицинских наук, профессору, внуку Январия Петровича, внучатому племяннику Африкана и Митрофана Петровичей. Африкан Петрович — последний в России выборный атаман Всевеликого Войска Донского и Атамана Союза Казаков за рубежом до 1934 года. Жива была мама Георгия Яковлевича, Татьяна Январевна — крестница Императора Николая II. Она так и не дождалась при жизни «казаков, возрождающих казачество в мире и его окрестностях».

Вторым. Царствие ему Небесное, был Ветренко Леонид Данилович — заслуженный деятель науки, доктор технических наук, профессор более полувека, создатель Ассоциации торговых портов СССР. Его отец, Даниил Родионович, был начальником штаба армии генерала Юденича. Леонид Данилович помнил поход казаков на Петрограда в январе восемнадцатого года.

На их открытость — одному из них было тогда шестьдесят девять лет, другому — под восемьдесят — я ответил взаимностью. Это не противоречило бабушкиному «завещанию». Им терять уже было нечего, а у мне исполнилось тогда тридцать девять, и все было впереди. Росло двое сыновей. «Нельзя портить им жизнь», — поучали меня старшие уважаемые казаки, узнав, что моя прабабушка по матери, Елизавета — Волошиновского роду. Мой родной дедушка Иванов Павел Иванович, ее сын, служил казначеем в штабе Антона Ивановича Деникина, был его любимцем «Павлушей». Лично Антон Иванович сберег его для ува-

жаемой казачки, которой дал слово офицера сохранить Павлушу.

Первому и второму я рассказал о Волошиновых и Кирилле Ивановиче, а третьему лишь намекнул, что я из Волошиновых станицы Гниловской. Это был мой земляк. Бавыкин Георгий — тоже доктор, профессор, академик. Он Ю прижав палец к губам, прошептал: «Тихо! Не время!».

Я убедился, что бабушка, Владыка, мои взрослые друзья были тысячу раз правы. В июле девяносто первого, я доверчиво и наивно откликнулся, не послушав совета умудренных жизненным опытом и возрастом почтенных бывалых казаков на объявление с амвона священника Крестовоздвиженского храма, который мы, казаки. Восстанавливали в начале девяностых, о том, что некто Галошин назвал себя Волошиновым. Я напросился к нему в гости, прихватив коньяк и торт. Когда показал семейные фотографии моей прабабушки, двоюродной сестры Евгения Андреевича, старик пришел в такую ярость и бешенство! Потом он перешел к реальным угрозам не только мне но прежде всего моим детям. Делал он это весьма профессионально — полковник-особист с огромным репрессивным стажем. Сразу вспомнились наказания и завещания! По рекомендации полковника, я «заткнулся», как казалось, навсегда — тому были очень веские аргументы. Хорошо еще, что не успел рассказать о родном прадеде Кирилле Ивановиче!

Бабаня говорила: «У большинства людей твои откровения будут вызывать подсознательную зависть, переходящую в лютую ненависть. Государственные органы и разного рода бандиты будут пытаться выведать: где оно? Твой прадед вывез в Данию не только императрицу, но и сокровищницу казны Дома Романовых. Погибнете все почему зря! Доверяли ведь самым порядочным и честным. Поди докажи, что ничего не знаешь о царских сокровищах — никто не поверит. Сгинете все ни за что ни про что».

Ушли в мир иной генералы, полковники и сами палачи-исполнители. Живы их дети, внуки и правнуки. Л.Д. Ветренко и Г.Я. Савченко, которых я, как хуторской атаман, рекомендовал в Совет стариков «Невской станицы», сказали: «Вячеслав Анатольевич, если

бы «Старики» хотя бы чуточку порозовели, мы смогли бы тогда открыть рот. Не мучайте более просьбами о вхождении в красный по природе и сути «Совет стариков»...»

Прошло много лет – почти четверть века. Много изменилось. Не стало даже «красных казаков». Откуда им взяться? Тех, кто видел, слышал казаков, общался с ними и ими воспитывался, давно уже нет на свете. Молодежь играет «в казаки», наслушавшись, начитавшись, насмотревшись всяческих баек о казаках и казачестве. Каждый знает, как обустроить Россию и казачество по своему разумению. Особенно преуспевают в деле «возрождения» чиновники и поверившие им маргиналы. «Будет ли четвертое поколение казаками?» – задавали себе вопрос прадеды-казаки. «Дык откель? Нас же вжо ни будеть...» – сами себе отвечали. Их почти всех перебили, остальных посажали, посылали... Дедов наших жестко воспитывала партия и Советская власть. Те, кто вернулся живым, – молчали, только иногда нашептывали самым близким – правнучатам, «как оно утож було на самом деле». Нам, этим правнукам, седьмой, восьмой десяток...

В 2004 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Нестория» вышла книга «Рядом с императрицей», по воспоминаниям второго камер-казака Тимофея Ксенофонтовича Ящика, перевод с датского И.Н. Демидовой издания 1968 года при поддержке Датского Института культуры и Генерального консульства Дании. Огромное им спасибо!

Слава Богу! Благодаря любящей второй, уже датской жене Тимофея Ксенофонтовича (первую жену и брата большевики расстреляли на Кубани), Агнес, в крещении Нины, вышли в свет первые статьи на датском о Тимофее Ксенофонтовиче Ящике и Кирилле Ивановиче Полякове. Я, к великому сожалению, в то время эту книгу не читал, только видел на большой межмузейной выставке в Манеже вместе с одеждой Т.К. Ящика, но на выставке не было ничего о К.И. Полякове.

В 2006 году в Исаакиевском соборе состоялась панихида по случаю перезахоронения праха Императрицы Марии Федоровны. Меня никто не звал. В собор никого не впускали. Были только официально приглашенные, и в их числе – Василий Ящик, праправнучатый племянник Тимофея Ксенофонтовича, с ко-

торым я познакомился в день панихиды. Я пришел в справе (казачьей форме). Было впечатление, что меня никто не видит. Удивился – всюду пропускают. Хотя охрана первых лиц государства на самом высоком уровне! Встал у гроба в караул вместе с Ящиком, как когда-то наши прадеды. На меня не обращали никакого внимания, будто не видели – ни охрана, ни Г.В. Велинбахов, который меня знал по работе в Государственном Эрмитаже, ни Романовы. Я был поражен и подумал: «Меня на это место воздвигли молитвы Марии Федоровны и моего прадеда Кирилла».

Нет сомнения – промысел Божий. Наступает момент справедливости по молитвам усопших. В момент Патриаршей панихиды я – на месте своего прадеда. Никаких сомнений в Господнем чуде по молитвам прадедушки, прабабушки Стефаниды, дедушки Григория и бабушки Матрены, а может быть, и в молитвенном благодеянии и самой Марии Федоровны, прах которой на расстоянии вытянутой руки от меня! Просто дух захватывает... Я будто не виден для окружающих, и меня никто ни о чем не спрашивает. Я продолжаю молчать, уповая на милость Господа: Он все управит...

Кроме почившего Владыки Иоанна, ни один священник на исповеди больше не задавал мне вопросов об этом. Я молчу, как учила бабушка. Наблюдаю, как интерес к истории Царской Семьи все растет, благодаря конкретным людям – хотя пока в довольно узком кругу. Прежде всего, я безмерно благодарен Василию Ящику, всем потомкам Тимофея Ксенофонтовича, досмотревшим моего прадеда Кирилла, закрывшим ему глаза и похоронившим его на далекой чужбине в Копенгагене в тридцать четвертом. Великой Княгине Ольге Александровне, поддерживавшей нашу семью после смерти прадедушки по его просьбе.

Особо хочу отметить троюродную сестричку Ирину Полякову, проживающую ныне в Ставрополе: она первая откликнулась на издание книги и перезахоронение Императрицы.

Связь с прабабушкой Стефанидой после гибели старшего сына Григория прервалась еще до войны. Прабабушка тоже жила в г. Ставрополе, там и ее могила.